

своей заставила запахнуть плед и содрогнуться от холода. Только на минуту вернулось уверенное чувство крыльев полета, земли под ними в деревьях и кустарниках. Однако наступило уже время погребальных приготовлений, загудел и солидно стал шевелиться в углу тот, кому было это поручено, носилки подняли и понесли.

И вот уже отсюда, не принадлежа этой жизни и еще не вступив в другую, его душа продолжала рассказывать о том, как прекрасна, как божевественно прекрасна она была при жизни. Это были вздохи любви, но уже иной.

Горюя, она становилась все более рассеянна и молчалива.

И вот не слова уже, а вздох. Бу. Бу. Бу.

Оркестр умер, чтобы через минуту опять воскреснуть и принимать бешеные, хотя и несколько растерянные аплодисменты.

Высоко подняв голову, Оксемов промчался в гардероб. Он смотрел на окружающих немного свысока, так как был уверен, что все слышанное относилось именно к нему, и предстояло теперь выяснить отношения с музыкой дома. Борис решительно направился к желтым тяжелым дверям, которые оказались достаточно благосклонными, чтобы выпустить его на белую зернистую кружку, по которой разъезжали блестящие автомобили, и в их движении ощущалось и терпение, и скрытая угроза.

Оксемов пересек площадь, подумал, повернул к своей привычной многолюдной улице и быстро зашагал по ней не оглядываясь.

Тревога

Цикл монологов

Посвящается жертвам фашизма

Воят в ночи бездонной
Волки на стадо не.
Вот почему порою,
Только глаза закрою, —
Прошлой с волчьей мордой
Мне не дает покоя.
Строчить не надо толки:
ГЕНЫ ФАШИЗМА СТОЙКИ!
Есть у волков истоки,
Это все те же волки!
Немы надгробий плиты,
Но человек услышит
И голоса убитых,
И голоса убивших.

МОНОЛОГ ДЕВУШКИ В ЛАГЕРЕ СМЕРТИ БИРКЕНАУ

Бутафорский вокзал в Биркенау,
Нарисовано все по лекалу —
Баня... Касса... Дежурный буфет...
Только жизни в ногах моих нет!
Предлагаю раздеться, помыться...
Верю вывеске. Хочется выть...
Но в пресыщенном взгляде убийцы:
— Вам налево! — А значит, не жить!
Вам **НАЛЕВО! НАЛЕВО! НАЛЕВО!**
Слово длится в молекулах «я»!
Но толпа — это голая дева
В крематорий ползет, как змея.
Тает Родина, кто я, не знаю, —
Я безвременна, я замолчу.
Бутафорский вокзал в Биркенау,
Я уехать обратно хочу!..

Я хочу жить в иллюзии слова
Европейских пяти языков, —
Но горит под ногами основа,
Бутафория мертвых шагов.
Стану полькой, еврейкой и немкой
В час конца со звездой и крестом
И летящей крупной мелкой
По перрону и вечным хвостом
Голой очереда в крематорий.
Бутафорский вокзал, я твоя,
Самый лживый из всех территорий!
Слово длится в молекулах «я»...
Баня. Касса. Вокзал. Мы кричали,
Пропадая в нацистском огне...
Верно, было лишь слово в начале,
И останется слово во мне!

МОНОЛОГ «ЧТО ЖЕ ТАКОЕ ДЫМ?»

Завтра я стану дымом
И поплзу в трубу
Вместе с женой и сыном —
Странный простор во лбу.
Умер, наверно, мозг,
Но не хватает воска,
Чтобы заполнить ту
Тяжкую пустоту...

Что же такое дым, если он едко жирный?
Как растворится он в воздухе, а потом —
Узок ли круг его, или объем всемирный?
Будет ли дым глазами, будет ли дым умом?
Может быть, только ртом, жрущим леса и пашни,
Замки и города, свастик и людей, —
Тех, что в нацистском марше...

Думаю я о дыме
И не хочу о пепле.
Можно висеть на дыбе, —
Руки мои окрепли!
Только не надо крови
И вышегося огня!
Весь крематорий в слове!
В дыме моя семья!

Кто-нибудь нас поднимет,
Выбелит в злую небель...
Соединимся в дыме!
Соединимся в небе!

МОНОЛОГ УЗНИКА, ОТДЕЛИВШЕГО ДУШУ ОТ НОГ

Какое счастье — нет души!
Нет разума — есть только ноги.
Весь мир в ногах. Они в тревоге
Вдоль главной лагерной дороги
Переползают, словно вши.
Они спасают лишь себя
На переключке у барака,
Но в них порой рычит собака,
По человечеству скорбя!
Лишь ноги чувствуют побег
И муки переносят стойко.
Над ними мертвая надстройка —
Уничженный человек!
Нельзя мне думать о ногах.
Быть может, этим их обяжу.
Они лишь думают, я — вижу,
Они лишь чувствуют врага!
Шаги и глухи, и тупы,
И я страшусь — они в обиде,
Я знаю: две мои стопы
Мой торе убогий ненавидят!
Я им молюсь, я им кланюсь,
Что силы все из сердца выжму,
Как странно ног своих боюсь
И лютой злобой ненавижу!
Они страшны, когда стучат,
Созвучьем повторяя стражу,
Они бегут, когда кричат,
Они танцуют, как прикажут!
Ну вот и все! Я жил, как мог!
Мне новый день навстречу вышел
И крикнул с пулеметных вышек:
Ты потому лишь только выжил,
ЧТО ДУШУ ОТДЕЛИЛ ОТ НОГ!

МОНОЛОГ БЕЗЫМЯННОГО УБИЙЦЫ

Убийство неизвестных лиц —
Не больше, чем убийство птиц!
Стрелей, потом вези в жаровню.
И среди этих верениц
Я человека не запомню.
Конкретность жертвы — это страх!
В знакомого направив выстрел,
Ты станешь винтиком в часах,
Сломавшим механизм убийства!
И я бегу от этих глаз,
От этих лиц, и тем свирелей
Их заволакивает газ
И обезличивает лепел.
Но кто-то все же крикнул: «Ганс!»
И ты пришла, реальность злая.
Пусть крик его в ночи угас,
Он знал меня, и я узнаю
Его, через него — себя,
Себя, которого не вижу.
Я этот голос ненавижу!
Откуда он пришел, скорбя?!
И кто же это крикнул: «Ганс!»?
Мужчина, женщина, ребенок?
Для миллиона перепонок
Такая музыка — конец!
Да, сотней золотых коронок
Мне в уши впились тот подлец!
Но кто же это крикнул: «Ганс!» —
Перед уходом, перед смертью,
Перед последней круговертью,
Проглатывая серый газ?
Он истину возмездья спас!
И я себя увидел с плетью...
А может, крикнул он не мне,
А Гансу, что сгорел в огне?

МОНОЛОГ НЕМЕЦКОГО ПОЛИТЗАКЛЮЧЕННОГО 1933 ГОДА

Ломая ограды и своды тюрьмы,
Аккорды Бетховена входят в умы!
Играя лучами то света, то тьмы,
То солнцем, то тенью становимся мы!
То снами, то явью,
То жизнью, то смертью,

То новью, то старью,
То кругом, то вертью!
Охранник воды набирает ведро,
И в дверь каземата тревожно стучится,
И нам предлагает бездонно напиться,
И мы выпиваем и зло и добро!
Но эта отравка не станет концом,
То мир материален, то снова духовен.
С лохматой гривой и львиным лицом
Запутался в ржавых решетках Бетховен!

МОНОЛОГ СОВРЕМЕННОГО АНТИФАШИСТА

Время кожаных регланов
Унесено рельсами
В железнодорожный архив
документально-желтых снимков.
Время кожаных регланов
Возвращается узкоколейками
Латерей Биркенау и Бжезинка.
Тянутся длинные нити
В черные глаза войны,
Где холод и цинизм,
Я не верю в прерываемость событий,
Если в мире жив еще нацизм!
На большой реке берлинская лазурь,
Вся земля — смешение цветов и наций.
Свет в глазах войны — печей кровавый след,
Кровоизлияний и кремаций.
Но опять весна, и я почти спасен.
Вернется надежда в сини Рериха, —
Если миром мир произнесен,
Меркнут тени Гитлера и Гейдриха!

МОНОЛОГ НЕМЕЦКОГО ХУДОЖНИКА 1944 ГОДА

Берет берлинскую лазурь
На белый лист железной кистью
И экспрессионистской высью
Грозу венчает Отто Дикс.
Там Шпрее превратилась в Стикс,
Наполнившись нацистской мыслью.
В Берлин пришла пора любви —
Пора дождей и затемнений,
Горящих окон, — нет сомнений, —

Стал уже круг моих друзей.
 Реальность ставится в музей.
 Простые связи не зови,
 Ведь ты на море — не на суше.
 Коммуникации нарушив,
 В Берлин пришла пора любви!
 И надо многое забыть.
 Полобен мозг застывшей глине.
 Лишь только двое могут быть
 Соединенными в Берлине!
 И вот она опять пришла:
 Любовь, натурщица, скульптура...
 И заиграла, не спеша,
 Прекрасных мышц клавиатура.
 Я говорю ей: голой будь!
 Смеясь, открой свои колени!
 Ведь юная способна грудь
 Вскормить иное поколение!

МОНОЛОГ ГЕТЕ, гуляющего вблизи концлагеря Бухенвальд

Вот и готова элегия,
 Ульрика едет в Карлсбад...
 Верно, что карлики гения
 Остановили. Я рад!
 Вспомнить бы черствость любимой
 И утаенный расчет...
 Только опять ястребиный
 Сердце качает полет.
 Помнится все совершенное,
 Несовершенное — нет!
 Воздуха свежесть,
 Юный таинственный свет.
 Это равнина ли, небо ли?
 Буковый лес — мой предел!
 Помнится то, чего не было,
 То, что увидеть хотел!
 Люди, вы так рассудительны!
 Стар я, она — молода!
 Все же войти удивительно
 В буковый лес иногда...
 Мрачные слышу пророчества,
 Люди, я вас не спасу!
 От моего одиночества
 Холодно стало в лесу!

Славно болото осушено,
 Что им любовный недуг, —
 Грозно хранит равнодушие
 Ровно посаженный бук...
 Бьется мучительно колокол
 Станным звучаньем родным,
 Черным проносится облаком
 Едкий пронзительный дым...
 Что-то творится на свете,
 Рано жирнеет земля, —
 Не наливайтесь, не смейте,
 Кровью чужою, поля!
 Колокол бьет — и не спрячешься —
 Всюду деревья в крови,
 Видно, срубить надо начисто
 Буковый лес без любви!
 Странная это энергия —
 Душам готовит распад!
 Вот и готова элегия —
 Ульрика едет в Карлсбад!..

МОНОЛОГ ПРЕПАРИРОВАННОЙ ГОЛОВЫ В ОСВЕНЦИМЕ

Перроны ада принял рай...
 Пошли наверх горячим дымом
 Останки жен и матерей
 В тот синий край...
 От птичьих стай неотделимо
 Они проносятся теперь.
 Передо мной мундир зеленый
 И серо-синия стена.
 И снова я живу, казненный,
 И держит на губах слова
 Отрубленная голова!
 Я — препарат, похож на птицу.
 Себе в мучениях приснясь,
 И каждый вечер врач-убийца
 Меня приветствует, смеясь.
 Был у любимой образ мой —
 И вот я только статуэтка,
 Подставка, чистая салфетка,
 Увенчанная головой!
 И странно, там живет она,
 Как полагается невесте,
 В голландском городе одна

И думает: кругом война,
И нет его на свете...
Здесь я!
На полированном столе
У лагерфюрера, а братья
Уже давно лежат в золе
В одном мучительном объёме!

Елена Шварц

Зверь-цветок

Предчувствие жизни до смерти живет.
Холодный огонь вдоль костей обожжет —
Когда светлый дождик пройдет,
В день Петров, на изломе лета.
Вот-вот цветы взойдут, алея,
На ребрах, у ключиц, на голове...
Напишут в травнике — елена афгоса,
Во льдистой водится она Гиперборея,
В садах кирпичных, в каменной траве.
Из глаз полезли темные гвоздики,
Я — куст из роз и незабудок сразу,
Как будто мне привил садовник дикий
Тяжелую цветочную проказу.
Я буду фиолетовой и красной,
Багровой, желтой, черной, золотой,
Я буду в облаке жужжащем и опасном
Шмелей и ос заветный водопой.
Когда ж я отцвету, о боже, боже,
Какой останется искушенный комок,
Остывшая и с лопнувшей кожей —
Отцветший полумертвый зверь-цветок.

Орфей

На пути обратном
Стало страшно —
Сзади хрипело, свистело,
Хрюкало, кашляло.
Эвридика:
«По сторонам не смотри, не смей,
Край — дикий».
Орфей:
«Не узнаю в этом шипе голос свой
Эвридики».